

«Я хочу хоть одну звезду»

В личном фонде киноактрисы Екатерины Савиновой (1926–1970), хранящемся в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтай, есть несколько общих тетрадей с дневниковыми записями 1950–1960 годов

текст

ЕЛЕНА
ОГНЕВА

Привычку вести дневник Екатерина Фёдоровна обрела в студенческие годы. Такова методика развития наблюдательности у актеров и режиссеров, что позволяет им черпать материал для работы из повседневной жизни. Дневники Савиновой содержат описания простых бытовых ситуаций, житейских историй, случайных разговоров.

Особое внимание обращает на себя тетрадь, датированная 1950 годом*. Ее страницы заполнялись с мая по сентябрь, когда Екатерина окончила институт кинематографии и поехала на отдых к родной сестре, Марии Фёдоровне Панченко, в Сухуми. Это было последнее беззаботное лето в жизни актрисы, полное мечтаний и надежд, — канун нового этапа жизни.

11 мая 1950 г.

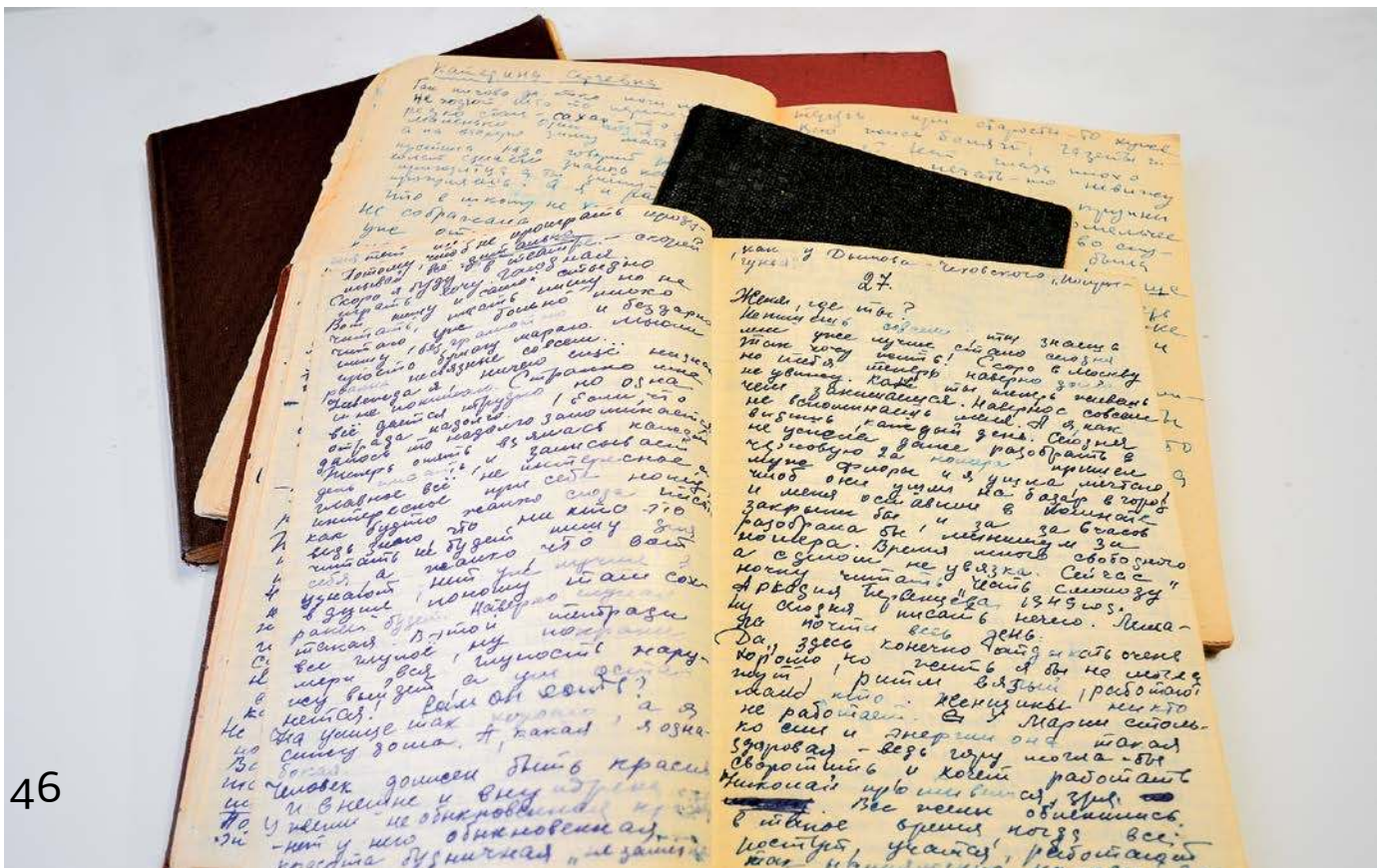
Запишу урок пения. Мне Ван дер Вейде¹ велела записывать уроки пения. Фа-диез — превосходная нота для любого голоса. Это самая трудная нота. Дыхание нужно брать немного, то есть не перегружать, легко. И не зажимать при пении диафрагму. Диафрагма участвует только при подаче высокой ноты.

Сегодня особенно легко пелось. Странно, Ван дер Вейде говорит, что у меня очень подвижный голос, а я думала, наоборот, голос очень дубоватый и неподвижный. Даже обрадовала меня, что, наверное, у меня в 82 года будет драматическое сопрано. В общем, какой будет, а пока я должна заниматься по возможности каждый день.

Когда шла к Ван дер Вейде (по улице пешком), то по дороге ко мне подошла «черная женщина», не то грузинка, не то армянка, с длинным носом. Одета она была в старые яркие тряпки: не то накидка, не то шаль на ней была красная. Подошла и плаксивым голосом попросила денег. «Поддай, — говорит, — гражданочка, а то прямо с голоду умираю». И сама чуть не плачет. Я дала ей рубль, и она побежала дальше по улице. Моросил дождь. Потом я не прошла шести шагов, как смотрю, одна старушка ко мне обращается, чистым голосом говорит и громко так на всю улицу: «Вот видишь, доченька! Говорят, одни русские

Дневники
Е.Ф. Савиновой
из фонда
ГМИЛИКА

* Текст рукописи сокращен и отредактирован. Публикуется впервые.

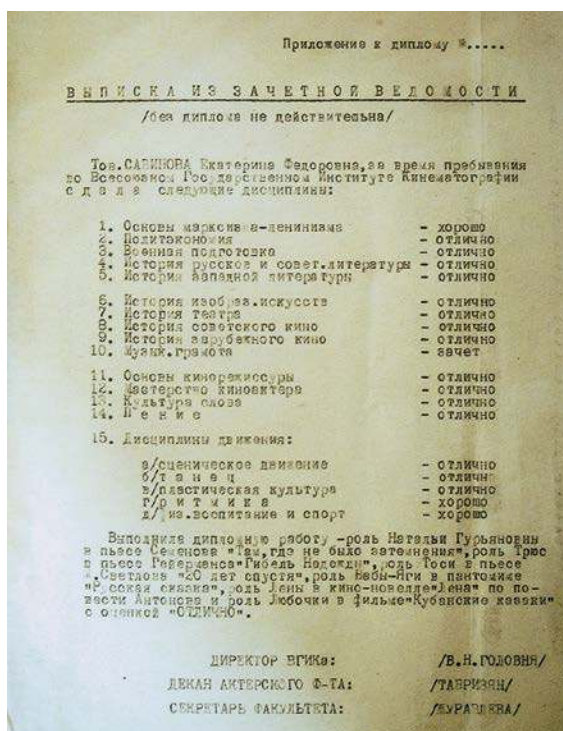
Кадр из кинофильма «Кубанские казаки» (реж. И.А. Пырьев). Екатерина Савинова в роли Любочки. «Мосфильм», 1949.
Все фото предоставлены ГМИИКА

побираются. Вот и эти тоже просят не православные». Я говорю: «А кто она, бабушка?» — «А Бог ее знает, не то еврейка, не то цыганка!» Я говорю: «А что же вы тоже побираетесь?» Она ответила: «Да». В руках у нее были какой-то котелочек и мешочек маленький, а на спине был еще большой мешок. И лицо очень хорошее. Так как я люблю старух, пристрастна к ним, то я, конечно, спрашиваю: «Вы здешняя?» Она говорит: «Да». А, между прочим, старые люди всегда с удовольствием рассказывают свою жизнь, случаи из жизни и охотно отвечают на вопросы, советуют, делают

ся, потому что им хочется рассказать о себе, поделиться, и вообще приятно вспомнить прошлое. А молодежь обычно не любит слушать старых. У молодых все впереди — надежды, мечты, все. У них свои дела всегда, спешат, торопятся, а ты думаешь: «Ну вот, теперь этим воспоминаниям конца-краю не будет». А если они малоинтересны, то стараешься отделаться поскорее. И со мной это было. Если встретишь в трамвае, думаешь: «Скорей бы остановка — да сойти. Своих дел много, а тут еще она со своими рассказами». Но чаще мне интересно. Вот человек уже прожил жизнь — что он вывел в итоге: по-моему, ему ясно, что он делал верно и что нет, и вообще, какие у него сформировались взгляды на эту

Екатерина Савинова, Евгений Ташков, Вячеслав Невинный на вечере выпускников ВГИКа. 1950

сложную штуку — жизнь, которая дается один раз. Как ее прожить? И если б ему дали ее снова, как бы он ее прожил. Я думаю, что снова бы ошибался.

Так вот, я уклонилась от главной темы. Она мне сказала, что имела комнату здесь, но потом пустила квартирантов, и каким-то образом потеряла комнату, теперь живет так — у кого пол помоеет, постирает, там и ночует. Но, говорит, вот последний месяц живет на квартире у одной старухи-пьяницы (так она сказала). Старуха, говорит, инвалид, пенсионер и еще продает цветы — деньги все пропивает. И сын у нее инвалид и тоже пьет. С нее они берут 3 рубля в день. И говорят: «Плати сразу за месяц 90 руб.». «Я, — говорит, — не могу платить столько много денег сразу. Вот пошла в церковь в воскресенье, набрала 15 руб. и заплатила».

Я дала ей 1,5 рубля. Она спросила, как меня зовут и как зовут мою маму. И сказала, что за меня помолится за здоровье и за маму, за упокой. «Спасибо», — сказала она мне, и я ей, и разошлись.

Да вот, думаю, оказывается, и у нас есть еще люди без приюта.

12 мая 1950 г.

Черт знает, что делать с голосом. Оказывается, я все четыре года дышала неправильно. Я развила диафрагму так, что она у меня стала, как стол, твердая. Дыхание диафрагмой для меня стало уже естественно, я ночью даже дышу диафрагмой. У Вадима Николаевича занималась каждый день целый год. Он все время говорил, что только диафрагмой дышать и петь (да и в институте). А теперь вдруг, здравствуйте. Говорят, что это очень вредно, голос потом пропадает, загоняют слова при пении, так как весь звук в затылке, нужно петь легко, так же, как говорить.

Природа всегда дает лучшее, и если человек уже поет, нигде не учась, значит, его нужно только поправить, и чтобы он сознательно понимал то, что он делал до сих пор

1. Ван дер Вейде (сцен. псевд.) — Туманская Наталия Васильевна (1870–1958) — артистка оперы (лирико-драматическое сопрано). Выступала в московском театре «Фарс» (Общество русских оперных артистов под упр. М. Лентовского), в антрепризе М. Салтыкова, в 1903–1905 гг. — солистка московского Большого театра. Пела вместе с Ф.И. Шаляпиным в опере А. Даргомыжского «Русалка».

бессознательно. Точно также и в драматическом искусстве человек, не участь нигде, любит сцену и играет роли, и вполне возможно, что он играет очень хорошо. Он талантлив, не имея школы, играет блестяще, но если он усвоит школу, она ему поможет. И если он в совершенстве овладеет техникой актерского мастерства, да плюс талант, это уже гениально.

13 мая 1950 г.

Вечер. Ужасное настроение! Только что вернулась от Ван дер Вейде. Не могла петь совсем, так как сегодня репетировала спектакль «Там, где не было затемнения»², примерялась к залу и сорвала себе голос совершенно — певческий, конечно. Да, и не певческий... хриплю. Какое наказание.

Ван дер Вейде говорит, что драматическое искусство не совместимо с пением, и то, что она зарабатывает, я разрушаю. Вот эти пять дней последних я ходила каждый день петь и вчера мне было так легко, что просто поразила сама. И Ван дер Вейде подивилась легкости моего голоса и быстрому развитию тембра. А сегодня, пожалуйста, разбито все вдребезги. Не представляю, как я буду ездить, и что будет с моим горлом.

Да, вообще, если мне играть через день, то я, думаю, и разговорного лишусь. Очень плохо на душе. Мне уже кажется, что я родилась на свет для того, чтобы мучиться. Через три дня каждые у меня крах, не в том, так в другом.

14 мая 1950 г.

Сегодня был спектакль в Доме пионеров. Прошел средне. Им, правда, понравилось, но это потому, что видели первый раз, а вообще прошел средне. После спектакля была встреча со зрителями. Очень горячо говорили пионеры, высказывались, опровергали один другого.

Плохо я стала играть Гурьяновну³ — нужно все пересмотреть. Особенно в первом акте. Итак, о главном событии я еще не писала. О создании нового молодого театра при В. В. С. Если это дело выйдет, то наше счастье. Завтра идем к Борису Владимировичу⁴ говорить насчет этого. Уходит из коллектива Юра Рудаков⁵, очень жаль, хороший честный чистый парень — очень жаль.

15 мая 1950 г.

Сегодня была беседа всего курса на квартире Бориса Владимировича. Ребята говорили о наболевшем

Екатерина Савинова на пляже в Сухуми. 1950

Главным образом говорили обо мне и о Жене Ташкове⁶. Многое из того, что они сказали правильно, но в самом корне они ошибаются. Я не желаю никому плохого, я грубила, желая лучшего. И я говорю чисто перед совестью сейчас, что у меня нет злорадства и нет такого чувства, что я центр внимания, это слишком мелко.

Грублю, потому что не переносю грязного нечистого отношения к делу, к работе. Да, я признаю, главного качества во мне нет — воспитанности. Вот за это спасибо. Сейчас не поздно, и я постараюсь сделать все возможное. Думаю, что исправлю. Не сразу, конечно. Я не воспитана в своей семье (курс, я считаю, своя семья, вот я говорю резко, грубо, а на улице, в чужом обществе я могу сдержаться и быть вежливой и обходительной, и мягкой). Так почему же я со своими так себя веду? Потому что по-настоящему не воспитана.

Выпиши себе письмо Чехова А. П. к брату. И знать его, и помнить. Это правило, от которого нельзя отклоняться, лучше уже не скажешь.

Один ученик подошел к Станиславскому и сказал: «Я ухожу из студии». На вопрос Константина Сергеевича: «Почему?» — «Я здесь искал храм и не нашел его». — «Милый, — сказал К. С., — я 26 лет ищу его, только в самом себе».

30 мая 1950 г.

Урок по пению. Рот широко не раскрывать. Только на си-бимоль или яблоко. Улыбка в горле. Все гаммы петь на улыбку.

20 июля 1950 г.

Итак, простите мне, простите. Я не писала очень долго. Сейчас уже на юге отдыхаю, загораю, хожу на море. Опять я на юге. В раю, как сказала бы моя бабушка, где большие деревья цветут, где чужие люди живут, где много яблок и света, где море, где солнце, где лето.

Живу я в красивом доме. Сплю наверху, на балконе. Утром хожу на море. Только одно у меня горе. Толстею, жирею и сплю.

А ночь такая темная-темная повисла над балконом и почему-то ни одной звезды. Как бы я не хотела, чтобы так со мной было в жизни. Я хочу хоть одну звезду — одну, мне не надо больше. Но одна, чтоб светила. Чтоб я могла идти к ней, тянуться к ней. Не тянуться, а идти, идти к ней. И вот мне кажется, что я вижу, вижу звезду, — моргнула. Смотрю, нет, не было ее. Это просто от напряжения. Вот так и в жизни.

29 июля 1950 г.

Человек № А-5953.

Вчера пришел к нам один рабочий — солдат лет 24 — молодой, симпатичной наружности — красивые волосы вьющиеся. Пришел он, чтобы прибить лист жести под умывальником, т. к. течет на пол вода. Паренек молча прибывал жечь.

На руке у него был выколот номер, но особого значения мы этому не придали. Я видела многих людей, исколотых бог весть какими знаками и рисунками. Стоит посмотреть на моего младшего братца, так целая галерея выколов — разных: и с подписями, и без надписей.

Наш сосед говорит мне тихо: «Этот человек был в концлагере».

Он был, как все, среднего роста, спокойно прибывал лист, пилотка сползла у него совсем набок и еле держалась, а волосы пушистые совсем растрепались и тонкие пряди прилипли ко лбу. Щена была вымазана каким-то мазутом. Прибив лист, он встал с колен. И, качнув головой, улыбаясь, сказал, что все, работа окончена. Говорил он по-русски плохо.

Я тем временем подошла поближе и, указав на номер, спросила: — Откуда это у вас номер?

2. Спектакль «Там, где не было затемнения» по пьесе В. Семёнова был дипломной работой выпускников мастерской Б. В. Бибикина и О. И. Пыжовой, впоследствии перенесен на сцену Театра киноактера.

3. Наталья Гурьяновна — роль Савиновой в спектакле «Там, где не было затемнения».

4. Борис Владимирович Бибинов (1900–1986) — актер театра и кино, театральный режиссер и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР. Преподаватель ВГИКа, мастер курса Е. Ф. Савиновой.

5. Руданов Юрий, однокурсник Е. Ф. Савиновой.

6. Ташков Евгений Иванович (1926–2012) — актер и кинорежиссер, народный артист РФ. Однокурсник и супруг Е. Ф. Савиновой.

Он посмотрел на меня и что-то пробормотал. Я не поняла.

Тогда я спросила вторично:

— Что, вы были в концлагере? Если вам не трудно, то скажите, пожалуйста, как это случилось?

Он встал и начал рассказывать.

— Я еврей. Вы же знаете, что Гитлер особенно ненавидел евреев и приказал уничтожать всех евреев. Наша семья жила на Украине. И как только мы попали к немцам, нас (много нас было) поместили в товарный вагон. Пока мы ехали четыре дня, они совсем не давали ни есть, ни пить, и люди старые и очень маленькие умирали. Они приходили вечером и выбрасывали всех умерших и больных вместе. У нас была большая семья: мать, отец, четыре сестры и три брата. А когда приехали в лагерь, то нас всех разделили. Потом я скоро узнал, что мать умерла. Народу там было очень много. Фамилии немцы не писали, они ставили номера, и не выкалывали их медленно на теле, как это делают любители, а особой машинкой раз десять щелкнут и готов, следующий. Болел дня два номер, а потом ничего. Был я — кожа да кости. Сжигали по несколько тысяч в день живых людей. Сестры были молодые. Одной 28 лет, другой 15 лет, одна — совсем маленькая. Скоро я узнал, что сожгли отца и двух сестер.

Боже! Я слушала, и мне просто не верилось. Неужели это делали люди? Звери и то не так жестоки, как были немцы. Это просто изверги! Садисты. Нет, со зверьми их сравнить нельзя — зверь благороднее. Просто возмущению моему нет конца.

Боже, ну как это можно живых людей...

Когда взяли наши этот лагерь, там было 200 тонн человеческого мусора — это после сжигания остатков. За это надо казнить!

И опять разговор о войне. Не надо войны! Если б знать, что не будет войны, если каждый день подписывать лист на завтра, и народ бы наш подписывал каждый день. Стояли бы в очередь и подписывали все. Я, как приехала в Сухум, первое, что сделала, пошла в горсовет, чтоб подписать Стокгольмское воззвание⁷. Там мне сказали: «В домуправление сходите и подпишите». А домуправ уже сдал, и я пошла в Госбанк. И там написала воззвание о мире. Я вышла оттуда с легким сердцем — выполнила. Я так боялась, что сдадут все списки, и я останусь.

13 августа 1950 г.

Сейчас только кончила читать «Угрюм-рену» Шишкова. Какая книга чудесная. Но гнетущее состояние. Написана очень хорошо, язык простой, понятный, родной. Почти все образы отрицательны. Но Прохора мне жаль в конце. Наверное, я слабая, мне жалко всех, кого обижают, и к кому не внимательны, будь то преступник. Прохор, Прохор, неверно, ты пошел сначала одно зло сделать и скрыть, а там уже дальше пойдет и пойдет цепочкой и окружит зло тебя со всех сторон.

14 августа 1950 г.

Сегодня меня пригласили помочь ставить одноактную пьесу «Анютины глазки!»⁸. Это скорее скетч. Прочла. Пошла. Собрались не все. Говорили, обсуждали. Актеры косноязычны. Одним словом — плохая самодеятельность. Нет любви к делу — работать очень трудно. Поздно они мне предложили, через десять дней я буду в Москве.

Читала Чехова. Великий труженик. «Жить надо не для себя, и не для других только, а со всеми и для всех» (философ Фёдоров). «Для всех» — это верно, а «со всеми» — смотря как понимать. Нет. Я просто нуль. Нуль, и все!

16 августа 1950 г.

Вчера репетировала «Анютины глазки». Собрались на репетицию кое-как. Над первой строчкой текста возились 20 минут. Невозможно добиться правды. Дальше пошло лучше. Поразила меня одна девушка — Шура. Очень простая, высокая, внешне не привлекательная, с мягким говором. «Гыкает». Начала читать мать лейтенанта и так искренне, меня просто поразило. Ничего не играя, своим певучим голосом, все так подошло. И девушка, играющая «Анютины глазки», ничего читала, правда, в нос.

Меня пригласил помочь один паренек, Сергей. И когда я разговаривала 14 августа с ребятами, они все хором говорили, что с Сергеем как раз мне и не придется работать, потому что «он артист», говорят, играл много. И вот вчера на репетиции он читал всех хуже, с ним я сидела на каждой фразе, ища подлинный смысл и действия. Парень оказался с самолюбием, прямо провинциальный артист со всеми их дурными качествами. Пришлось доказывать истины, что не надо играть ничего, читайте правильно текст, вот все, что я прошу. Сережа же

с пафосом и трагизмом произносил заранее приготовленные реплики.

— У меня ничего не получается, — под конец заявил он.

— А что вы хотите, чтобы у вас получилось? — спросила я.

С первой репетиции он хочет, чтобы у него что-то получилось. Заштамповано все. Сказала, чтобы пришел ко мне сегодня один и почитал. Сегодня в 10 утра. Я завтракаю. Пришел. Просидела с ним до полвторого, как будто начало проясняться, но до правды далеко. Он до сих пор не может понять, что не играть — вот в чем сложность и тонкость актера. Постараюсь за оставшиеся дни размять пьесу и поставить на ноги, как умею, но у меня очень мало времени осталось. Не успею, пожалуй. Но я очень довольна.

Вчера на репетиции я себя так хорошо чувствовала — это мое, мое. Это — моя жизнь. Не представляю ... жить без сцены. Боже, какое это счастье.

Скоро в Москву! В театр! А что в театре?

Вчера репетировали. Плохо, что они все неграмотные. Рабочая молодежь — самодеятельность. И все-таки молодцы. Я порадовалась вчера втихую, так как все, что я их просила прошлый раз, — соблюдается.

В это лето я отдыхала, как простой рабочий человек, который стоит твердо на своем месте, я еще ничего не достигла и ничего не добилась. И отдохнула больше, чем положено мне. И не так отдыхала, как нужно. Я такой отдых еще не заслужила. Пожалуй, это последнее лето, проведенное беспечно. Мне нужно еще кончить консерваторию, а если не консерваторию, то музыкальное училище и у частного голоса ставить.

Скорей в Москву. Скорей! Сил накопила много.

26 августа 1950 г.

Уезжаю в Москву.

Годам к тридцати советский молодой человек не имеет права быть недоучкой. Он обязан стать хозяином в том деле, какое он для себя избрал! Возможности имеют все равные!

Интереснее всего жить, когда работы сверх головы. Чем больше с человека спрашивают, тем больше у него обязанностей, тем нужнее он коллективу.

7. Стокгольмское воззвание Всемирного конгресса сторонников мира о запрете применения атомного оружия подписали более 273 млн человек во всем мире, из них более 115,5 млн — в СССР (практически все взрослое население страны).

8. Водевиль «Барская спесь, или Анютины глазки» Д. Т. Ленского.